

о всеобщем и полном разоружении, как показано в монографии, сказывались на его деятельности, а соответственно и на повышении его значимости. Данная закономерность является подтверждением тезиса о зависимости ДСМ от политики КПСС и правительства СССР.

Еще одним важным сюжетом, рассматриваемым автором монографии, является становление Дартмутских встреч, истоки которых связаны с договоренностями о сотрудничестве между Советским комитетом защиты мира и представителями миролюбивых сил США. Подробно, с широким привлечением малоизвестных архивных материалов, описано содержание четырех первых Дартмутских конференций (с. 200–221).

Н.И. Егорова дает интересные оценки «новых вызовов», повлиявших на особенности ДСМ в начале 1960-х годов. В частности, речь идет о влиянии масштабных испытаний ядерного оружия в СССР и США, которые, с одной стороны, содействовали росту кризисных тенденций в ДСМ, с другой — усилили борьбу миролюбивых сил за запрещение ядерных испытаний. Эта борьба внесла свой вклад в подписание Московского договора 1963 г. о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах.

Заключительная глава посвящена истории Движения в 1963–1965 гг. В частности, показано, что сохранение единства ДСМ на этом этапе осложнялось позицией Китайской Народной Республики по вопросам национально-освободительной борьбы и разоружения. Значительное внимание автор уделяет

вьетнамскому вопросу — одному из важнейших в рассматриваемый период международных отношений. В целом, материалы монографии позволяют говорить о том, что Китай и ряд его союзников, представлявших, прежде всего, азиатские государства, сыграли деструктивную роль в судьбе сформировавшегося к тому времени формата ДСМ (с. 280–281). Детально это показано на примере проведения Всемирного конгресса за мир, национальную независимость и всеобщее разоружение в Хельсинки.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что новая монография Н.И. Егоровой является основанной на новых источниках, аргументированной, взвешенной научной работой, в которой подробно изучены формы и методы «народной дипломатии» середины XX в. Автор вводит в оборот значительный пласт малоизвестного фактического материала, позволяющего взглянуть как на международные отношения 1955–1965 гг., так и на феномен «холодной войны» в целом, с новой точки зрения. Интересно выглядят представленные на страницах книги портреты советских и зарубежных активистов ДСМ. Все это имеет значительную ценность не только для историков и международников, но и для широкой общественности, по-прежнему задумывающейся о путях сохранения мира на земле.

В.В. Романов,

доктор исторических наук,
профессор Тамбовского госуниверситета
(ТГУ);

Н.Е. Зудов,
кандидат исторических наук, доцент ТГУ

КРИЗИС И ТРАГЕДИЯ КОНТИНЕНТА. ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА (1618–1648) В СОБЫТИЯХ И КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ ЕВРОПЫ. М.: Транслит, 2015, 564 с.

За истекшие три десятилетия с тех пор, когда в нашей стране была отвергнута советская концепция международных отношений, политическая мысль российских авторов многократно и по разным поводам обращалась к теме Тридцатилетней войны и Вестфальской системы. Однако помимо разного рода политологических спекуляций серьезных научных исследований по истории международных отношений эпохи Контрреформации опубликовано в России не было. Уже одно это позволяет выделить рецензируемую книгу среди современных изданий. Еще одним ее важным достоинством является то, что данное «коллективное исследование» сами авторы определяют как

монографию (с. 5) и что оно стало итогом объединения усилий российских и немецких историков, а также и то, что оно позволило рассмотреть вопросы проанализировать в условиях международной научной дискуссии.

Разумеется, как признают сами авторы, они не ставили задачи охватить все актуальные проблемы изучаемой эпохи, поэтому они сосредоточили главное внимание на семи проблемных комплексах, которым соответствуют основные разделы монографии: 1) состояние современной историографии эпохи Тридцатилетней войны; 2) внутривосточные и международные аспекты общеевропейского кризиса конца XVI — начала XVII вв.; 3) судьба

Германии (Священной Римской империи германской нации) и противостояние великих держав в ходе войны; 4) новые формы военной и политической организации государств раннего Нового времени; 5) облик социально-политических элит и их монархов и вождей; 6) Тридцатилетняя война и европейское общественное мнение; 7) Вестфальский мир и его последствия.

Оценивая состояние новейшей историографии, один из авторов историографического раздела, а также составитель и ответственный редактор издания Ю.Е. Ивонин отметил, что в оценках Тридцатилетней войны сосуществуют различные мнения, акцентирующие внимание на тех или иных сторонах изучаемой эпохи. В одних случаях война рассматривается как религиозная, в других — как внутригерманское противоборство земель и княжеств, часто она трактуется как общеевропейская (с. 11). В том же разделе германская исследовательница А. Тишер посвятила специальную главу роли России в Тридцатилетней войне в освещении немецкоязычной историографии, придя, в частности, к выводу, что в новейших работах немецких историков и других специалистов на Западе уделяется всё больше внимания положению на востоке Европы. Вместе с тем автор указала, что позиция России в европейских делах указанного периода функционировала в условиях давления со стороны Швеции, что «сама Москва пребывала в статусе ожидания, сопротивляясь вовлечению себя в европейские конфликты», оставаясь только внимательным наблюдателем за действиями участников войны (с. 40). Остается только пожалеть, что историографический анализ в монографии оказался ограничен очерками германской историографии, что вне поля зрения авторов остались посвященные международным отношениям исследуемой эпохи работы чешских, польских и российских авторов, за исключением классической, но уже весьма устаревшей книги Б.Ф. Поршнева¹. В последние годы суждения о Тридцатилетней войне исследователей из стран Центральной и Восточной Европы также претерпели существенные изменения.

Одной из наиболее трудных задач для авторов монографии стало определение «европейского кризиса середины XVII в.», который, по их словам, «являлся частью глобального кризиса» (с. 48), при этом для читателя так и осталось загадкой, в чем же состояли сам кризис и тем более его «глобальность»? Единственной качественной характеристикой упомянутого кризиса в рецензируемой монографии стали

заключенные в одной фразе краткие тезисы о том, что «неблагоприятные климатические условия, экономический и финансовый кризис, ускоренный и усиленный войной, непосильное, но вынужденное налогообложение, людские потери, ужесточение внутренней политики и неумелая дипломатия правительств ряда стран даже при отсутствии или незначительности предпосылок кризиса могли породить ощущение нестабильности и дисбаланса, необходимости перемен и реформ, приводящей к выступлению против существующих властей (с. 49). Можно согласиться с авторами, что выходом из кризиса стало утверждение в большинстве европейских государств системы абсолютизма, подавление аристократической оппозиции и бюрократизация государственного управления. При этом хотелось бы обратить внимание на то, что наиболее быстрыми темпами абсолютизм утверждался в Швеции. Хотелось бы также сказать, что, по нашему мнению, наиболее остро кризис первой половины XVII в. выразился в борьбе феодальных группировок за землю и связанные с феодальным землевладением привилегиями. При этом абсолютистские государства всё больше принимали на себя роль посредника и орудия в отчуждении феодальной ренты и ее перераспределения в интересах господствующих сословий. В итоге разрешение упомянутого кризиса нашло выражение в названном классиками марксизма «втором издании крепостничества» к востоку от Эльбы. Это в свою очередь совпало с окончательным установлением крепостного права в России. В результате крепостническая система практически на два столетия утвердилась в Центральной и Восточной Европе.

Центральное место в рецензируемой монографии, несомненно, принадлежит истории Германии второй половины XVI — первой половины XVII в. или, вернее, истории германских земель, формально входивших в состав Священной римской империи, поскольку именно вокруг этого унаследованного от Средневековья объединения и развернулась борьба государств, претендовавших на европейское великодержавие. Разумеется, обращаясь к конкретно-исторической проблематике, авторы рассматривают ее в связи с поставленными в историографии дискуссионными вопросами, однако в тех же рамках, как они были определены в историографической части монографии.

Говоря о Священной римской империи, или о «Старой империи», как она именуется в германской историографии, авторы отходят от традиционной для отечественных историков точки зрения, что упомянутая империя была сугубо номинальным образованием, что реальным ее ядром были австрийские и чешские земли монархии Габсбургов, наряду с их практически самостоятельными испанскими

¹ Поршнев Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976.

владениями и зависимыми от последних итальянскими и нидерландскими областями. Авторы придерживаются точки зрения, что германские территориальные государства (имперские чины), представленные в рейхстагах и возглавляемые императором как сюзереном, составляли реальное, хотя и достаточно аморфное государственное объединение. Это мнение основывается на том, что, помимо старых вассальных связей и верховной власти императора, Империю объединяли общая правовая система, императорская казна, система сословного представительства, коллективная субъектность имперских чинов в области международного права и международных отношений. Распаду же государственных связей империи способствовали внутренние иммунитеты земель, в первую очередь их военная самостоятельность, а также раскол по конфессиональному признаку. Связанные с ними центробежные тенденции в ходе Тридцатилетней войны только усилились, чему в значительной мере способствовало вмешательство во внутригерманские дела других европейских государств. Авторы справедливо подчеркивают, что борьба соседних держав за господство в Германии определила ход Тридцатилетней войны и ее основные этапы, а следовательно и ее периодизацию. Ю.Е. Ивонин подчеркивает, что «самым важным фактором, способствовавшим перерастанию Тридцатилетней войны из германской и религиозной в европейскую, было возрождение идеи универсальной монархии в политике Габсбургов, больше всего угрожавшее равновесию сил в Западной и Центральной Европе, национальным интересам Франции и интересам династии Бурбонов» (с. 163). Иными словами, речь шла о возобновлении длившегося уже не менее столетия противостояния французской монархии и державы Габсбургов. Вместе с тем дискуссионным и небезупречным представляется тезис о так называемых «национальных интересах» Франции (там же), о сущности которых читатель остается в неведении. Восходящую к воззрениям Ф. Энгельса концепцию Б.Ф. Поршнева Ю.Е. Ивонин подверг критике² (с. 7). Что же в таком случае скрывается за понятием «национальных интересов» в эпоху Фронды во время борьбы династий, различных дворянских и аристократических группировок, в частности и под лозунгами политического клерикализма? Этот вопрос, имеющий с нашей точки зрения существенное значение, так и остался в рецензируемой монографии без ответа. Вместе с тем приведенный в ней богатый конкретно-исторический материал дает немало поводов

для размышления над этим, как и над многими другими вопросами, что само по себе является важным позитивным результатом рассматриваемого труда.

Одним из таких вопросов стали преобразования в военном деле и формирование регулярных армий. Само по себе указание на данную проблему едва ли представляло бы что-то новое. Однако в новейшей историографии как на западе, так и на востоке Европы ей уделяется много внимания: вводятся в оборот новые источники; изучаются организационные, технические нововведения, изменения в стратегии и тактике; исследуются социальные и культурные факторы становления новой военной организации. В данной монографии примером такого новаторского подхода может послужить раздел, посвященный шведской армии короля Густава Адольфа, написанный А.В. Беспаловым (с. 286–330). С аналогичной точки зрения можно было бы выделить раздел, может быть не вполне удачно, озаглавленный авторами — Ю.Е. Ивониным, Л.И. Ивониной и А.А. Ходиным — «Тридцатилетняя война сквозь призму личности» (с. 331–427). Он посвящен весьма известным персонажам: Валленштейну, Густаву Адольфу, Ришелье. Однако обращает на себя внимание, что в новейшей историографии интерес к этим, казалось бы, хрестоматийным деятелям весьма возрос, а оценка их исторической роли порождает бурные дискуссии, как было относительно недавно в Чехии по поводу А. Валленштейна. С этой точки зрения, упомянутый раздел монографии представляет существенный интерес, поскольку он, во-первых, отражает в целом переоценки в странах Центральной и Восточной Европы отношения к историческому прошлому и так называемой «исторической памяти», а во-вторых, по новому ставит вопрос о взаимоотношениях личности, с одной стороны, и государства и общества — с другой.

Монографию заключает раздел «Вестфальский мир и его последствия», принадлежащий перу немецкого историка Хайнца Духхардта. Раздел этот выходит далеко за хронологические рамки монографии и посвящен итогам Тридцатилетней войны в истории Европы. При этом в нем выделены две главы: первая о европейских странах, так или иначе вовлеченных в войну и составивших в дальнейшем «Вестфальскую систему» (с. 538–549), и вторая — «Россия и Вестфальский мир» (с. 549–556). В разделе автор обращается к проблеме диалектики международных отношений Нового и новейшего времени, нашедшей отражение в претензии Вестфальской системы на универсальность своей политической конструкции и долговременность установленного якобы «на вечные времена» мирного урегулирования, с одной стороны, и в том, что она так

² См. Поршнев Б.Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970.

и не воплотилась в реальности, войны же держав и их коалиций оставались единственным средством поддержания баланса международных отношений — с другой. К этому можно добавить, что Вестфальский мир, как выражения принципа консервации политической системы Священной римской империи на деле только усугубил раздробленность Германии.

Говоря о роли России в Вестфальской системе, Х. Духхардт отмечает, что по мере достижения Московским государством статуса Всероссийской империи менялось и ее отношение к вестфальским принципам международных отношений. В начале это отношение было опосредовано Швецией и Польско-Литовским государством. После Северной войны 1700—1721 гг. и падения шведского великодержавия начинается восхождение России к вершинам европейского могущества, связанное с требованием международного признания ее новой политической роли. И, наконец, на исходе правления Екатерины II Российская империя приняла на себя статус гаранта Вестфальской системы, что выразилось в постановлениях Тешенского конгресса 1779 г. и в претензиях

Петербурга на то, чтобы возглавить державы «старого порядка» в борьбе с революционной Францией. Возникает, правда, вопрос, в какой мере вестфальские международно-правовые нормы сохранили свое значение после 1815 г. Однако думается, что уже начиная с XIX в., социально-политический строй европейских государств претерпел глубокую трансформацию, а это в свою очередь кардинально повлияло как на характер международных отношений, так и на систему международного права. Поэтому следы Вестфальской системы в практике международных конгрессов и иных протокольных элементов международных отношений не имели уже существенного значения и оставались данью дипломатическим традициям и всего лишь поводом для публицистических штудий.

К.А. Кочегаров,
кандидат исторических наук,
Институт славяноведения РАН,
Б.В. Носов,
доктор исторических наук,
Института славяноведения РАН

M. Mulso w. ENLIGHTENMENT UNDERGROUND. RADICAL GERMANY, 1680-1720. CHARLOTTESVILLE — London: University of Virginia Press, 2015, 454 p.

М. Му л ь с о в . ПРОСВЕЩЕНИЕ В ПОДПОЛЬЕ. РАДИКАЛЬНАЯ ГЕРМАНИЯ, 1680-1720. Шарлоттесвилль — Лондон, 2015, 454 с.

Книга немецкого историка, профессора университета Эрфурта и директора Центра культурных и социальных исследований в Готе Мартина Мильсова заслуживает внимания по нескольким причинам. В мировой исторической науке его работа представляет новую и, более того, как выразился его американский коллега и переводчик книги на английский язык Э. Мидлфорт, «сейсмическую» интерпретацию происхождения немецкого Просвещения. В Германии философская культура запретных сочинений до последнего времени игнорировалась. Традиционное внимание к печатным работам мыслителей не могло объяснить, почему на рубеже XVII — XVIII вв. имел место «кризис европейской мысли» и был ли он вообще. В отличие от распространенной точки зрения уже во второй половине XVII в. ряд мыслителей в германских землях являлись носителями «опасных» идей, но

делали это в рамках тайных обществ, связей или, иными словами, подполья.

Как исследователю, Мильсову нельзя отказать в научной смелости — он избрал предмет изучения «немодные» радикальные течения. Эта смелость получила адекватную оценку: книга, увидевшая свет в Германии в 2002 г., была удачно издана на английском языке, что свидетельствует о ее научной значимости и популярности. Тщательно исследовав коллекцию манускриптов Северной Европы, Мильсов отобрал и проанализировал сочинения малоизвестных и неизвестных радикальных юристов, теологов, историков и студентов, выступавших за секуляризацию правовых, политических, социальных и религиозных знаний. Кроме того, автор выявил тайный радикализм в сочинениях уже известных просветителей и связал их с работами молодых немецких авторов и радикальной культурой Нидерландов, Британии и Дании.